

УДК 81'42

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА КАК ЭМБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ

В.И. Карасик

В статье рассматриваются слова, которые являются дискурсивными знаками самовыражения личности. Эти единицы употребляются в речи намеренно и ненамеренно и воспринимаются в качестве индикаторов личности, если они используются эффективно, либо неправильно, либо избыточно. В содержательном плане такие слова соответствуют функциям модуса в высказывании, выражая широкий спектр значений, характеризующих коммуникативную дистанцию между участниками общения, их статусный баланс, тональность речи и самоидентификацию говорящего.

Ключевые слова и фразы: языковая личность; дискурсивные слова; коммуникативная эмблема; самовыражение личности; ключевые слова.

DISCOURSE WORDS AS PERSONALITY EMBLEMS

V.I. Karasik

The paper deals with words serving as discursive signs of personality self-expression. Such units are used in speech either intentionally or non-intentionally. They are taken as personality indicators when they are expressive, or wrong, or redundant. From the content point of view they correspond to the mode functions in utterance and cover a wide range of meanings such as communicative distance between speech partners, their social status balance, speech tonality, and speaker's self-identification.

Key words and phrases: language personality; discourse words; communicative emblem; personality self-expression; key words.

Одной из важнейших функций языка является самовыражение человека. Оно может быть намеренным и помимовольным и проявляется в выборе определенных слов или выражений либо маркированном отсутствии таких единиц в речи, в манере самоконтроля и искренности в общении, в развитии и поддержании тех или иных тем в диалоге, в использовании либо значимом отсутствии креативности при оформлении высказываний и т.д. Элементы такого самовыражения могут рассматриваться как дискурсивные эмблемы личности. В данной работе анализируются индикаторы отношения говорящего к предмету речи. Такие индикаторы выражают широкий спектр эмоционального и рационального самопозиционирования в общении [Головин 1988].

Проблема дискурсивных слов не является новой в науке о языке [Баранов, Плуноян, Рахилина 1993; Киселева, Пайар 1998; Tommola 2008]. Важнейшие структурные, семантические и функциональные характеристики таких единиц были отмечены В.В. Виноградовым под рубрикой «Модальные слова и частицы» [Виноградов, 1947]. В ином аспекте проблема дискурсивных эмблем личности раскрывается, если целью анализа текста

является установление основных идей автора в таком тексте. Эти идеи выражаются в фактуальном, концептуальном и подтекстовом компонентах того или иного произведения, по И.Р. Гальперину (применительно к художественному или публицистическому произведению). Важными индикаторами таких идей выступают ключевые слова. В художественном тексте такие слова выражают его главную идею, имеют образно-символическое значение, характеризуют склад художественного мышления писателя, выступают лейтмотивом, смысловым стержнем произведения, в деловом тексте они образуют текстовую формулу документа, в публицистике и политическом дискурсе такие единицы отражают наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно понятия [Петровский 1977; Шмелева 1993; Сковородников 2003]. Лингвокультурные характеристики таких слов в значительной мере объясняют специфику менталитета того или иного народа [Вежбицкая 2001; Шмелев 2005].

В качестве дискурсивной эмблемы личности определенное выражение замечается, если говорящий, используя это выражение, делает запоминающуюся ошибку, употребляет сравнительно редкое слово либо произносит то или иное выражение чересчур часто. Примером уникальной речевой ошибки, ставшей эмблемой для человека, является случай из школьной жизни: учительница однажды возмущенно прокомментировала поведение семиклассников: «*Онаглели!*» (вместо «обнаглели»). С этого дня на долгие годы это слово стало использоваться как ее кличка. Узнаваемым знаком личности стало характерное слово известного отечественного политика Е.Т. Гайдара «*отнюдь*». Избыточно частотное слово или выражение является индикатором определенной установки коммуниканта. Таково, в частности, словосочетание «*на самом деле*». Это выражение имеет уступительный смысл: «Хотя нечто выглядит определенным образом, следует знать, что в реальности дело обстоит иначе». Например, «*Она всегда уверенна и жизнерадостна, а на самом деле жутко мнительна*». В речи этот уступительный смысл дополняется некоторыми обертонами: «*На самом деле всё гораздо проще...*» означает следующее: «Мне известно, какова ситуация в действительности, а вы заблуждаетесь, и я сейчас вам разьясню, что происходит». В этом плане избыточное употребление выражения «*на самом деле*» оказывается индикатором статусного неравноправия, которое пытается установить говорящий. Аналогичный смысл имеет выражение «*по той простой причине*» (вам причина непонятна, а я ее вижу, и сейчас постараюсь вам объяснить).

Классификация эмблем личности в дискурсе может быть построена на различных основаниях. В качестве таких оснований могут быть взяты различные типы модуса,

противопоставляемого диктуму, по Ш.Балли: выражение категоричности либо сомнения, положительного либо отрицательного отношения к предмету речи, адресату и себе, серьезной либо несерьезной тональности высказывания, восходящего, нисходящего либо равного статусного вектора по отношению к партнеру, искреннего либо не вполне искреннего поведения, увеличения либо сокращения коммуникативной дистанции, конфликтного либо неконфликтного общения и т.д.

В традиционном системно-структурном описании функционирования высказываний многие дискурсивные эмблемы личности соответствуют использованию модальных слов и выражений, по В.В. Виноградову. В качестве индикаторов индивидуальности подобные единицы замечаются тогда, когда они ярко характеризуют человека и показывают его типичную оценку ситуации, партнера и самооценку. Например, фраза *«Все вернулись домой, слава Богу, благополучно»* содержит пресуппозицию, предполагающую вероятность неблагоприятного исхода некоторой поездки. Такая фраза вряд ли добавит что-то специфическое к нашему представлению о личности говорящего, если не считать, что подобное вводное выражение уместно в устах человека зрелого и странно звучит в речи подростка. Но иначе показана ситуация в следующем кортеже высказываний из текста песни *«Моё сердце»* популярной российской рок-группы «Сплин»: *«... У тебя не берут / Автографы люди, / И поёшь ты чуть тише, / Чем Монсеррат Кабалье. / Ну, так и я, слава Богу, / Не Рики, не Мартин, / Не выдвигался на Оскар, / Французам не забивал»*. Речь идет о том, что избранницей лирического героя является обыкновенная девушка, и он тоже ничем особенным не выделяется (он сравнивает себя с популярным певцом Рики Мартином). В этом контексте выражение *«слава Богу»* приобретает иронические обертоны и выступает в качестве своеобразной эмблемы героя, который подчеркивает свою уникальность тем, что не претендует на роль звезды.

Заслуживает внимания недавно распространившееся выражение *«как-то так»* в качестве индикатора отношения к происходящему. Модификатор *«как-то»* понижает категоричность высказывания и в этом качестве является одним из способов приблизительной номинации явлений и отношения к ним. Когда мы говорим *«Кто-то тихо постучал в дверь»*, мы имеем в виду, что нам неизвестен этот субъект. Аналогичным образом становится размытым обстоятельство времени или места: *«Я в этом городе когда-то бывал...»*, *«Куда-то положил телефон, не помню, куда»*. Если же подобную квалификацию получает вся ситуация, то на первый план выдвигается идея неопределенности причины или образа действия: *«Она почему-то отказалась пойти с нами»*, *«Мне что-то сильно спать*

захотелось». Понижение категоричности предполагает установление равных и доверительных отношений между коммуникантами. Сленговое выражение «*типа*» широко распространилось в разговорном русском в речи тех, кто пытался казаться своим: «*Он типа устал*». Сюда же относится выражение «*как бы*»: «*Они как бы всё поняли...*». В этом контексте выражение «*как-то так*» передает смысл намеренной неточности, которая варьируется в двух направлениях: 1) в случае контекстуальной конкретизации ситуации говорящий использует это словосочетание для широкого обозначения не очень приятного положения дел: «*С ней поступили как-то так, не по-человечески... Могли бы хоть поблагодарить*»; 2) в случае отсутствия такой конкретизации это выражение используется как ответная реплика неодобрения чего-либо: «*Как у тебя дела?*» – «*Да как-то так*». В этом смысле данное выражение соответствует нормам искреннего общения по-русски и принципиально отличается от англоязычной установки на позитивную самопрезентацию (Сравним: «*Hi, how are you?*» – «*Fine!*» – «*Привет, как дела?*» – «*Отлично!*»). Было бы упрощением дел считать, что в англоязычных сообществах участники общения всегда радуются жизни или не хотят замечать, что у кого-то плохое настроение, но у них не принято открыто выражать поиск сочувствия. Если это и выражается, то на невербальном уровне – взглядом и мимикой.

В семидесятые годы в Советском Союзе дополнительный дискурсивный смысл получило слово «лично», используемое применительно к Генеральному секретарю КПСС: «*Разрешите выразить глубокую благодарность родной коммунистической партии и лично Леониду Ильичу Брежневу за постоянную поддержку наших усилий по развитию художественной самодеятельности*». Это слово стало знаком подчеркнутой лояльности и преданности руководству страны со стороны говорящего. Словарное значение лексемы «лично» – «сам, собственной персоной, непосредственно» в политическом дискурсе приобрело дополнительный смысл: «некто мог бы и не принимать в чем-либо непосредственного участия, однако приложил усилия и тем самым продемонстрировал всем, что горячо заинтересован в общих успехах». Отметим, что сам Л.И. Брежнев это слово по отношению к себе не использовал как дискурсивную эмблему. В сочетании с местоимением первого лица слово «лично» приобретает смысл противопоставления себя другим людям: «*Лично я отпуск провожу на даче*».

К числу единиц, которые содержат дискурсивную характеристику личности, относится специфическое употребление глагола «*велеть*» в русском языке. Его словарное толкование – «*требовательно распорядиться*»: «*легла и выйти вон велела*» (А.С. Пушкин).

Как отмечено Ю.Д. Апресяном в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», этот глагол выражает категоричное побуждение к действию, оформленное в речевом акте и распространяющееся на семейные и бытовые отношения, при этом данная единица принципиально не может употребляться перформативно [Апресян 2003]. Прототипной ситуацией для функционирования данной единицы в речи является осуществление родительского контроля над поведением детей: *«Мама велела со двора не уходить»*. В отличие от слов «приказывать», «распоряжаться» и «предписывать», характеризующих не только акт побуждения, но и ситуативную тональность этого акта, глагол «велеть» акцентированно выражает лишь неравноправие участников взаимодействия. Соответственно, использование этого глагола в первом лице представляет собой расстановку позиций: фраза *«Я велел / велела Вам принести отчет вчера»* означает «Вы не понимаете, кто здесь начальник, и я сделаю так, чтобы это было усвоено». Те коммуниканты, которые используют данный глагол в первом лице, эмблематически подчеркивают свой статус, а это свидетельствует о том, что они неявно в нем сомневаются.

Аналогичным образом эмблематически значимым является словосочетание *«как я уже говорил / говорила»*: подразумевается, что сказанное было важным, но есть вероятность недооценки понимания этой важности и невнимания со стороны слушающих.

Некоторые лексические единицы используются в речи в качестве знаков, показывающих отношение говорящего к современности. Такое отношение может быть подчеркнуто положительным, отрицательным и нейтральным. Использование устаревших жаргонных слов и выражений говорит о том, что субъект не желает позиционировать себя как бегущего вместе с толпой. Если мы видим, что в интернет-форуме некто использует жаргонизм *«чувак»*, обращаясь к собеседнику или характеризуя кого-либо, то понятно, что молодость этого человека пришлась, скорее всего, на семидесятые годы XX века. Аналогичным образом в разговорной речи молодежи в то время использовалось выражение *«в натуре»* для усиления эмоционального воздействия на адресата: *«Ты что, в натуре, творишь?»*. Считается, что современными модными словами являются глаголы *«шарить»* и *«рубить»* в значении «разбираться в чем-то»: *«Он в химии не шарит и в физике не рубит»*. Перед нами типичный метафорический сдвиг из наблюдаемого действия в ненаблюдаемое состояние (искать наощупь – понимать, ударяя с размаху, разделять на части – понимать). Тот, кто использует подобные выражения, тем самым характеризует себя как человека молодого, ироничного, стремящегося к сокращению коммуникативной дистанции. Следует отметить, что использование коммуникативных эмблем в виде жаргонных выражений может

быть намеренным и ненамеренным. В первом случае субъект конструирует свой имидж (как это сделал современный политик, сказав *«кошмарить бизнес»*), во втором случае подобные выражения являются единственным естественным способом общения у людей с низким уровнем культуры (на экзамене студент в недоумении говорит преподавателю: *«Я не догоняю...»*, т.е. *«не могу понять»*).

Значимым является не только использование того или иного слова или словосочетания в речи, но и его принципиальное отсутствие. Так, например, в речи интеллигентных людей мы не услышим выражений из языка «гопников» – пошлых банальных фраз и грубостей в неподобающей обстановке. В этом плане существенным является отличительный признак элитарной языковой личности, по О.Б. Сиротининой, – наличие идиостиля в общении, обусловленного высоким уровнем жанровой компетенции и умением не только реагировать на явления, но и вариативно формулировать свое отношение к ним, используя широкий репертуар языковых средств. Люди с низким уровнем коммуникативной культуры пользуются ограниченным набором таких средств, и поэтому их самовыражение является помимовольным.

Дискурсивные эмблемы могут в определенных ситуациях выполнять парольную функцию, отделяя своих от чужих. Постепенно этот парольный смысл становится известен широкому кругу коммуникантов, если обозначаемая ситуация связана с важными событиями. Так, например, вопрос *«Есть проблемы?»* в условиях криминальной разборки (выяснения отношений в конфликтной ситуации с возможностью драки и убийства) стал восприниматься как знак принадлежности говорящего к соответствующим субъектам.

Заслуживает внимания использование иностранных слов в речи в качестве эмблем индивидуальности. Подчеркну, что маркированным иностранное слово становится в случаях яркого, неуместного, неправильного либо избыточного употребления. Примером яркого употребления таких слов являются латинские фразы в речи наших современников. Уже во времена А.С. Пушкина использование латыни в общении по-русски было знаком особого коммуникативного стиля (в Европе латынь в определенных ситуациях использовалась повсеместно, и это сохранилось до наших дней, выпускники гимназий инкрустируют те или иные латинские фразы в свою речь, показывая свой социальный статус). В XX и XXI веках английский язык приобрел статус языка международного общения, и поэтому английские слова и словосочетания стали часто использоваться в речи на разных уровнях общения – от специализированного терминологического обозначения реалий (например, в сферах информационных технологий и экономики) до молодежного сленга в его различных

проявлениях. В качестве сравнительно яркого примера использования англоязычного варваризма в русской речи приведем занятный пример поэтического состязания, которое произошло в пространстве Интернета в марте 2016 г. Известный поэт Д. Быков, откликающийся колкими ироническими комментариями на события нашей жизни, написал стихотворение, в котором затронул официального представителя Российского министерства иностранных дел М. Захарову, и та ответила ему в социальной сети ироническим стихотворением, в заключительной строчке которого используется яркое заимствование: *«Заумный стиль для вас не нужен – Им говорим с народом мы. Для вас готов дворовый фьюжн, Не напрягающий умы»*. Английский термин *fusion* – «сплав, слияние» используется в русской транслитерации как обозначение стилевого направления в музыке, в котором сочетаются разнородные элементы – джаз, академическая музыка и фольклор. В приведенном тексте это слово осмысливается как «смесь», а в сочетании с атрибутом «дворовый» – «смесь низкого качества». Неуместное использование англицизмов в нашей речи активно обсуждается в публицистике. Те, кто злоупотребляет соответствующими словами и выражениями, создают имидж людей, которые стремятся не отставать от моды, даже если выглядят при этом нелепо. Самой распространенной сферой такого употребления англицизмов стал молодежный жаргон, особенно применительно к междометиям («*Вау*», «*Унс*», «*Лол*» – первое выражает восхищение, второе досаду, а третье представляет собой аббревиатуру из компьютерного сленга – *laughing out loud* – «громко смеюсь»). Многие современные российские подростки увлекаются японской мультипликацией в жанре «аниме», и в их речи распространились выражения, связанные с этой субкультурой, в частности «*кавай*» – из японского «красивый, прелестный»; появилось слово «кавайный» – прилагательное, характеризующее не столько предмет речи, сколько самого говорящего.

Подведем основные итоги.

Рассмотрение языка с позиций самовыражения личности дает возможность выделить и описать типичные способы такого самовыражения в виде слов и словосочетаний, которые используются как намеренно, так и помимовольно. Эти способы самовыражения организуют дискурс и в этом плане могут рассматриваться как дискурсивные единицы и ключевые элементы дискурса того или иного субъекта. Маркированными подобные единицы становятся в случаях их яркого, неуместного, неправильного или избыточного употребления. Содержательно дискурсивные слова как эмблемы личности соответствуют функциям модуса в высказывании и выражают широкий спектр значений изменения либо поддержания

коммуникативной дистанции, статусного баланса участников общения, тональности коммуникации и самоидентификации говорящего.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Приказывать 1, предписывать 1, велеть 1, наказывать 2, распоряжаться 1, командовать 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий вып. Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 294–303.
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 205 с.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. М.: Языки славянской культуры. 2001. 288 с.
- Виноградов В.В. Модальные слова и частицы. Их разряды // Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Учпедгиз, 1947. С. 725–744.
- Головин Б.Н. Основы культуры речи. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1988. 320 с.
- Киселева К.Л., Пайар Д. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. С. 7–20.
- Петровский В.В. О ключевых словах в художественной прозе // Русская речь. 1977. № 5. С. 54–58.
- Сахно С.Л. Всего-навсего, или неожиданно мало // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К.Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. С. 75–82.
- Сковородников А.П. Ключевые слова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 153–157.
- Шмелев А.Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (*на всякий случай, если что, вдруг*) // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 437–451.
- Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. №1. С.33-41.
- Tommola H. *Прямо идет, а с нею не разминешься* (о статусе дискурсивных слов и частиц) // Slavica Helsingiensia 35. С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Ed. by Lindstedt et al. Helsinki, 2008. P. 410–420.

References

- Apresyan YU.D. Prikazyvat' 1, predpisyvat' 1, velet' 1, nakazyvat' 2, rasporyazhat'sya 1, komandovat' 1 [To order 1, to order 1, to order 1, to punish 2, to dispose 1, to order 1]. Novyj ob"yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka [The New explanatory dictionary of synonyms of Russian.]. Third issue. Pod obshh. ruk. akad. YU.D. Apresyana. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. Pp. 294–303.
- Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhilina E.V. Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka [Guide to discursive words of Russian]. M.: Pomovskij i partner Publ., 1993. 205 p.
- Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding of cultures through keywords]. Per. s angl. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ.. 2001. 288 p.
- Vinogradov V.V. Modal'nye slova i chastitsy. Ikh razryady [Modal words and particles. Their categories]. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian (Grammatical in-depth study about the word)]. M.: Uchpedgiz, 1947. Pp. 725–744.

Golovin B.N. *Osnovy kul'tury rechi* [Bases of the standard of speech]. 2-e izd. M.: Vysshaya shkola Publ., 1988. 320 p.

Kiseleva K.L., Pajar D. Diskursivnye slova kak ob"ekt lingvisticheskogo opisaniya [Discursive words as an object of linguistic description]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of Russian: experience of contextual and semantic description]. Pod red. K. Kiselevoj i D. Pajara. M.: Metatekst Publ., 1998. Pp. 7–20.

Petrovskij V.V. O klyuchevykh slovakh v khudozhestvennoj proze [About keywords in art prose]. *Russkaya rech'*. 1977. № 5. Pp. 54–58.

Sakhno S.L. Vsego-navsego, ili neozhidanno malo [Only, or unexpectedly it isn't enough]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of Russian: experience of contextual and semantic description]. Pod red. K. Kiselevoj i D. Pajara. M.: Metatekst Publ., 1998. Pp. 75–82.

Skovorodnikov A.P. Klyuchevye slova [Keywords]. *Stilisticheskij ehntsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Stylistic encyclopedic dictionary of Russian]. Pod red. M.N. Kozhinoj. M.: Flinta: Nauka Publ., 2003. Pp. 153–157.

Shmelev A.D. Nekotorye tendentsii semanticheskogo razvitiya russkikh diskursivnykh slov (na vsyakij sluchaj, esli chto, vdrug) [Some tendencies of semantic development of Russian discursive words (just in case, if that, suddenly)]. Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., SHmelev A.D. *Klyuchevye idei russkoj yazykovej kartiny mira* [Key ideas through the Russian language world-image]. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2005. Pp. 437–451.

Shmeleva T.V. Klyuchevye slova tekushhego momenta [Keywords of a present situation]. *Collegium*. 1993. №1. Pp. 33–41.

Tommola H. Pryamo idet, a s neyu ne razminesh'sya (o statuse diskursivnykh slov i chastits). *Slavica Helsingiensia* 35. *S lyubov'yu k slovu*. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Ed. by Lindstedt et al. Helsinki, 2008. P. 410–420.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Карасик Владимир Ильич, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, доктор филологических наук, профессор

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Россия, 400066, Волгоград, проспект Ленина, 27

E-mail: vkarasik@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Karasik Vladimir Il'ich, English Philology Department, Professor and Chair, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Doctor of Philology, Professor

Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenina Avenue, Volgograd 400066 Russia

E-mail: vkarasik@yandex.ru